Москва ГАБТ 18.11.98

Николай РАХМАНОВ

БОЛЬШОЙ ТЕАТР на маленьком земном шаре

Владимир Васильев считает, что ГАБТ вечен

«Большой театр – храм. Великий храм», – уверен один из его корифеев – Борис Александрович Покровский. Сам он был вызван сюда правительственной телеграммой в конце 41 года, в самые страшные для Москвы дни, когда рядом стояли немцы. Дирижеру было предложено поставить прокофьевскую «Войну и мир»... У тоталитарного государства большое искусство всегда было в чести. При советской власти в ГАБТе вроде все было в порядке. Проблемы начались, когда она рухнула. Владимир Васильев был вынужден взять все эти проблемы на себя, став художественным руководителем Большого.

Диктатура творчества

– Неужели демократия претит искусству?

– Конечно, претит, если она граничит со вседозволенностью. Более того. Демократия в театре даже губительна. В нем должна быть диктатура. Но не власти, а творчества. Только диктат руководителя отличается от диктата постановщика. Я считаю, к примеру, что над спектаклем должны работать такой-то режиссер, дирижер, художник. Меня спрашивают: почему вы других не приглашаете? – Не считаю нужным. Мне говорят: вы ошибаетесь. – Возможно. Но до тех пор, пока я здесь, отвечаю я. На этом моя власть заканчивается. И постановщикам дается карт-бланш.

– В свое время вы говорили, что творчество из Большого ушло. Сейчас оно вернулось в театр?

– Частично. На протяжении многих лет в Большом не было новых спектаклей, и мы говорили, что театр умер. Сегодня на его афише постоянно новые названия и имена. Мы устраиваем вечера современной хореографии, концерты, бенефисы мастеров, приглашаем труппы из разных стран. Все время что-то возникает.

– Владимир Викторович, вы взяли на себя ответственность за Большой, когда он был на грани гибели. Казалось, вот придет в Большой наш любимый сказочный принц Владимир Васильев и своим волшебным жезлом вдохнет жизнь в этот заснувший прекрасный дворец, и гармония снова будет царить на его сцене. Говорят, у вас абсолютный слух?

– Я вижу музыку, и это, наверное, самое важное. Но осуществить все, о чем я мечтал, пока просто невозможно. На второй день, когда я пришел сюда, сам написал на себя эпиграмму:

Я пришел к вам лучезарный
Рассказать, что солнце встало
Солнце село, солнце встало
Посветило, но устало.
И пропало вдруг бездарно

– Но вы даже называли рецепты возрождения Большого.

– Я им и следую. Главные – сохранять все лучшее, что есть в театре, создавать новые постановки и вести поиск современных средств выразительности. Но нужна вторая сцена. Там возможны совсем иные ритмы. Отпадет, видимо, надобность в кулисах, софитах, картины будут возникать как бы из ничего. Можно использовать и голографию, и кино, и телевидение. Классика останется на основной сцене, атмосфера ее зала диктует свои условия игры.

– Все время вспоминается золотая пора ГАБТа, когда вы сами были в расцвете сил. Кстати, вы начали свою жизнь в Большом, кажется, в девять лет?

– Нет, в восемь. Я занимался народными танцами во Дворце пионеров у замечательного педагога Елены Романовны Россе. В те годы в Большом часто устраивались гала-концерты, на них приглашали иногда самодеятельность. На одном из них выступали и мы. Тогда я впервые увидел классический танец. Богомолова и Андрианов, как сейчас помню, танцевали па-де-де из «Тщетной предосторожности». Они меня так поразили, что я стал повторять запомнившиеся движения. Елена Романовна сказала моей маме, что мне надо учиться в хореографическом училище, куда я и поступил в 49-м году.

– И на полвека связали жизнь с Большим театром.

– Да. Но вот что важно. Мы, воспитанники училища, постоянно – раза три в неделю – были заняты почти во всех операх и балетах. Представьте, как щемило душу зрителей выступление детей на сцене Большого! И какая это школа артистизма была для нас, учащихся. Несколько поколений превосходных исполнителей сменилось на наших глазах. Мы учились у них, впитывали в себя театральные традиции. Обидно, что сейчас Академия хореографии оторвана от театра. Детей надо с самого начала учить правилам жизни на сцене.

– Раньше ваше училище было совсем рядом с Большим.

– На Неглинке, как раз напротив окон этого директорского кабинета, где мы с вами разговариваем. У нас был общий внутренний дворик с Щепкинским училищем Малого театра. Мы смотрели работы будущих драматических актеров, а они – наши, вместе ходили на премьеры.

В ожидании новой волны

– Очевидно, эта связь школы и театра дала искусству фантастическую плеяду мастеров – Плисецкая, Максимова, Бессмертнова, Васильев, Лавровский, Лиепа. Словно девятый вал. В последние годы таких «волн» в Москве что-то незаметно.

– Но то он и девятый, что ему предшествовали еще восемь. Однако еще одному «валу» трудно появиться, если молодые начинают сценическую жизнь лишь после окончания Академии. Наша профессия закладывается с первой позиции, дети встают к станку, и звучит музыка. Текст в театре один – музыка. Она все, собственно, и определяет. Когда вы сливаетесь с ней – все в порядке. Если же нет, не будет никакого впечатления: либо вы немузыкальны, либо вам плохо аккомпанируют. Нужно жить в музыке, дышать ею.

Тогда в театре были собраны лучшие исполнители со всей страны. Да и время было другое. У художника не было иных точек приложения своих творческих сил, кроме как в своем коллективе. Театр и дом. В первом мы проводили весь день, домой приходили лишь спать. И все. Телевидение только развивалось. И темпы были иные. Спектакль делался в течение одного-двух лет, что было нормой. Возвращаться ко всему этому бессмысленно. Мы сейчас открыты и живем по тем же меркам, что и весь мир.

– И, как весь мир, должны уметь считать деньги?

– Разумеется. Сегодня просто невозможно призывать молодежь относиться к искусству так же свято, как в свое время относились к нему мы. Более того, когда художник достигает определенного благополучия, у него появляется желание заработать: нужно содержать одну квартиру, другую, третью, несколько машин, да не только на родине, но и за границей. Это благополучие толкает его на постоянную деятельность. К сожалению, это часто становится уже не творчеством, а просто способом заработать.

– Поэтому мы куда реже стали испытывать блаженство и в опере, и в балете. Да и оркестр Большого звучал раньше иначе.

– Не думаю, что лучше, нет. Однако в нем работают живые люди, которые тоже имеют право на ошибку. Но, если и случается, что оркестр не держит строй, мы говорим друг другу нелицеприятные слова. Впрочем, всему можно найти оправдание. Только зрителю как это объяснишь?

Магия личности и проблема денег

– Ваш оркестр был превосходен на юбилейном вечере Евгения Светланова.

– Это еще и магия личности. Хорошо помню, как ругали Евгения Федоровича, когда он был в 60-е годы главным дирижером ГАБТа и за деспотизм, и за невнимание к артистам. Того гипнотического светлановского влияния, под которым мы сейчас все находимся, тогда, поверьте, не было.

– Евгений Федорович рассказывал, что ушел из театра после того, как провел самые триумфальные гастроли нашей оперы в «Ла Скала». По возвращении в Москву начались всяческие разборки, и он подал заявление об уходе.

– Вот, вот. Время все ставит на свои места. И я не знаю сегодня никого, кто так бы проникал в душу русской музыки, как Светланов. Вне всякого сомнения, когда за пультом или на сцене появляется личность, она гипнотизирует всех. Это то, что так нужно Большому.

– Так вы ударили со Светлановым по рукам?

– Пока еще нет. Евгений Федорович не отказывается от своего замысла поставить «Хованщину», но сроки не оговорены. Сам я предлагал ему года два назад дирижировать «Лебединым озером», над которым работал. Сначала Светланов дал согласие, но затем отказался. Абсолютно убежден, что дело было не в нем самом, а в шквале нападок прессы: как это я посмел вторгаться в святое и чистое «Лебединое озеро» и на свой лад перекраивать либретто. Все это, видимо, Евгения Федоровича просто ужаснуло. Сейчас дело только за ним.

– Правда ли, что Геннадий Рождественский высказал желание вернуться в театр?

– Геннадию Николаевичу мы тоже сделали предложение. И сейчас готов повторить трижды: он желанный Мастер в нашем театре. Но... у него свои обиды. Быть может, пройдет время и что-то переменится. Ставил в Большом, например, Мстислав Ростропович вместе с Борисом Покровским «Хованщину», потом тоже пошли обиды. Я снова сделал Мстиславу Леопольдовичу очень интересное, на наш взгляд, предложение. Жду, какой он даст ответ.

– Эти ожидания что-то меняют в ваших планах?

– К великому сожалению, планы, которые были намечены, не могут осуществиться. Не будет одноактных балетов Мориса Бежара, «Кармен» Юрия Любимова, постановки «Отелло». И все по одной причине – нет денег. Мне порой говорят: а вот на свои спектакли вы их находите. Еще раз хочу подчеркнуть – «свое» делаю без бюджетных средств. Поэтому и вынужден ставить сам, хотя замысливались постановки приглашенных режиссеров. Самое страшное для театра – творческая немота. Был бы рад, если бы кто-то пришел и сказал: я настолько люблю Большой театр, что готов поработать здесь бесплатно. Однако таких предложений нет. Устал от постоянного словоблудия даже великих мира сего, которые распинаются на всех углах о любви к отечеству, к Большому театру, а когда разговор заходит о деле, то хотят иметь за это немалые деньги. Я уже столько раз обманывался...

Еще в планах Большого – опера «Опричник» Чайковского. Почему именно она? Потому что есть Марк Эрмлер, музыкальный руководитель театра. Есть режиссер Ирина Молостова. Есть художник Сергей Бархин. Есть люди, которые из любви к искусству могут это сделать буквально за гроши.

– Сколько сегодня надо средств, чтобы поставить спектакль?

– Оперный – около 700 тысяч долларов, балетный – от 400 до 500 тысяч.

– Повысились ли цены на билеты?

– Сейчас они стоят от 10 до 150 рублей.

– Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Вот я и собираюсь сам ставить балет «Сказка о попе и работнике его Балде» Шостаковича. Это замечательная музыка впервые зазвучит в театре. «Балда» и балет-фантазия «Бессонница» Сергея Жукова в постановке Александра Петухова войдут в афишу пушкинских юбилейных торжеств. Они начнутся на сцене Большого театра 6 июня следующего года.

В марте премьера «Конька-Горбунка» в постановке Николая Андросова. Выбор режиссера – это было делом самого Щедрина и Плисецкой. Объявленная «Капитанская дочь» Михаила Коллонтая в силу объективных причин должна пойти в начале будущего сезона.

Владимира Федосеева мы пригласили на «Демона». Дал согласие поработать у нас Борис Эйфман – один из первых отечественных хореографов.

– Вы были инициатором обменных гастролей между Большим и Мариинским театрами. Сравнение трупп оказалось полезным для критиков, признавших даже, что во многом занижали оценки ГАБТа.

– Отрадно. Но я и Валерию Гергиеву предлагал дирижировать в Большом. Ждем. Переговорил со всеми именитыми режиссерами. Пожалуй, только Франко Дзеффирелли не ответил, хотя на словах и он был готов: «О, Володя, для тебя, пожалуйста». Не забывайте еще о проблеме возраста. Знаю только одного человека, кто смог после шестидесяти лет себя перебороть и пойти по новому пути, – это Леонид Якобсон. Революции художники совершают, как правило, в молодые годы. Мастера уже выработали – каждый для себя – формулу собственного творчества.

– Кто из молодых может сделать революцию в Большом?

– Не знаю, но они непременно будут. Надо только подождать.

Лабиринты самолюбия

– В свое время вы хотели пригласить и Григоровича.

– Не только хотел, но и звонил ему домой буквально на второй день, как пришел сюда. Раз позвонил, другой, его нет и нет. Если Григорович захочет что-то поставить в Большом, будем рады.

Когда-то, как бы в шутку, смеясь, Юрий Николаевич сказал мне: ну подожди, что, собственно, ты начинаешь критиковать – придет твое время, сядешь сюда, вот тогда и посмотрим.

– Вот и пришло ваше время. Как чувствуете себя в Большом?

– Сложно. Такое ощущение, что все время чего-то не успеваю. Не успеваю объять необъятное. В театре огромное количество личностей. А они никогда не будут единомышленниками: у каждого на все собственное мнение. И та борьба, которая была между ними задолго до меня, не прекратилась ни с моим приходом, не прекратится и после.

– Видимо, они блуждают по лабиринту самолюбия, как говорил Чехов.

– Наверное. Я понял одну истину. Артиста можно лишить всего – зарплаты, каких-то жизненных удобств. Нельзя лишить одного – возможности работать. Непозволительно говорить ему: вы, мол, не должны ездить на гастроли, а обязаны лишь сидеть в своем театре. И при этом – не давать ему ничего делать. Это чудовищно.

– Можно ли сделать счастливыми две с половиной тысячи работников Большого театра?

– Всех нельзя. Вознесение одного непременно вызывает принижение другого. Мы не можем всех возвысить и всем дать все.

– Все нужны?

– Нет. Но все окажутся нужными, когда будут две сцены. Если бы не было в перспективе второй сцены, пришлось бы сокращать труппу. Однако невозможно сейчас сократить, а потом снова всех собирать. Раздавались даже радикальные голоса: закрыть театр, всех уволить, набрать труппу заново. Но это абсурд. Тогда-то Большой бы и умер, потому как прервалась бы связующая нить поколений, а традиции сохраняются прежде всего в человеческой памяти и передаются из рук в руки, из ног в ноги.

Вот если бы мне предложили собственный театр, тогда бы я мог пойти на такой шаг. Однако Большой – не театр одного режиссера. В этом и был наш конфликт с Григоровичем. Как-то я написал такие строки:

Привычка к славе охлаждает
со временем и честолюбца,
Которому несут на блюдце все,
что душа его желает,
Но не рождает образы творец –
их праздность вяло побеждает
И вот тогда ему конец.

Новое дыхание Большого

– Девятый вал накатил сейчас на Мариинский театр. Завидуете его примам?

– Они танцуют отлично. Но балет складывается не только из звезд, но еще и из оркестра и кордебалета. Важен ансамбль. Над этим мы и работаем. И растим собственных примадонн.

– Могли бы назвать имена?

– Анна Антоничева, Светлана Лунькина, Мария Александрова, Анастасия Горячева. Девочки совсем молодые, но многообещающие.

– А надежда оперы?

– Сопрано – Марина Мещерякова, Мария Гаврилова, Елена Зеленская... Меццо-сопрано Ирина Долженко. Тенор Бадри Майсурадзе. Баритоны Сергей Мурзаев и Владимир Редькин. Не припомню двух недель, чтобы все солисты были в театре. Кто-то поет в Метрополитен-опера, кто-то в «Ла Скала», в Вене или Токио...

– Кто руководит сегодня труппами театра?

– Белла Руденко – оперой. Алексей Фадеечев – балетом.

– В какой помощи, помимо материальной, вы нуждаетесь?

– Только в одной – объективной оценке. Она – в пристальном и уважительном отношении к предмету критики. Чтобы не было вранья, не приписывали того, чего нет, не выдавали желаемое за действительное. К сожалению, это случается сплошь и рядом. Мне говорят – посмотрите, как унижают всех подряд. Но мне-то от этого не легче. В театре многое за последнее время изменилось к лучшему. Даже внутри труппы. Прекратились распри. Доходило же до уродливого: шли стенка на стенку. Постоянные письма, угрозы, интриги, обращения.

О гибели Большого театра говорят постоянно. Для меня это пустые слова. Он не гибнет. Он незыблем и нерушим, даже в нынешней нестабильной ситуации. ГАБТ к тому же – не только наше национальное достояние, но и мировое. Хотя его авторитет мы сами слишком размазали и продолжаем это делать, когда позволяем неуважительно говорить о нем.

– Как возродить былую славу?

– Мечтаю провести зарубежные гастроли Большого на уровне тех, что были в 56-м в Англии и в 59-м в Америке. Думаю, это можно сделать одним способом – вывезти весь театр: и оперную, и балетную труппы. Ни один музыкальный театр в мире не имеет такого потенциала, такого единства всех своих компонентов, как Большой и Мариинка. Где вы увидите такие спектакли, как «Князь Игорь» с половецкими плясками, или «Иван Сусанин» с польским актом, «Золотой петушок» с Шемаханской царицей?..

– Вот что изумляет: многие ваши солисты – вовсе не те, которых вы назвали, ничем не выделялись в своей альма-матер, уезжают на Запад и поют там в лучших театрах мира. В чем тут секрет?

– Мы просто привыкли третировать своих людей. Открытие нового дыхания – вот от чего мы испытываем радость. И очень быстро привыкаем к тому, что имеем, зачастую перестаем ценить.

– «Критик – солдат, который стреляет по своим».

– Верно. Я пришел сюда, полный радужных надежд, уверенный, что увлеку за собой всех. Пришел отдать свое сердце. Но... Была встреча с критиками. На юношеском порыве, конечно, не соответствующем моим годам, я начал говорить – думал, можно быть откровенным. Оказывается, нельзя. Меня просто не поняли и все исказили.

Я сделал вывод: никогда не отвечать на критику. То же советует и Виктор Астафьев. Великий писатель прислал мне замечательное письмо. Мое спасение – лист бумаги, где записываю эпиграммы, пародии, шутки...

– Однако оппоненты все-таки нужны. Иначе будет привычка к славе.

– Кто говорит, что не нужны? Ни в коей мере я не хочу кого-то отговорить. Понимаю, что идет волна неприятия после обязательного когда-то возвеличивания ГАБТа. Свобода высказываний после несвободы. Выход только один – заниматься творчеством. И я не обольщаюсь: все мы заменимы.

– Владимир Викторович, когда-то вы сказали, что вам нужно все время забираться вверх, иначе жить не умеете.

– Это предназначение каждого художника.

Беседовала **Лидия НОВИКОВА**